

«ЗАБЫТЫЕ СРАЖЕНИЯ»

Сто лет назад известный военный историк и архивист Н.П. Поликарпов опубликовал три брошюры под интригующим и «бесконечным» названием, вызывающим в памяти «трехэтажные» наименования книг, выпускаемых в XVIII в.ⁱ Памятуя о том, что краткость - известно, чья сестра, мы оставили в названии статьи всего два слова...

«Знакомство наше с фактической стороною Отечественной войны 1812 года, - писал Поликарпов, - зиждется пока на знании нами ее эпизодов, изложенных в наиболее распространенном и наиболее доступном всем сочинении ген. М.И. Богдановича». Однако «этому сочинению следует доверять далеко не во всем и, сверх того, оно не дает описания всех сражений 1812 года». Автор, например, крайне поверхностно описал отступление соединенных армий от Соловьевой переправы до Шевардина, и «из его описания читатель получит неверный взгляд на это отступление». Так, со слов Богдановича получалось, что русские армии «отступали спокойно, не тревожимые французами, и *только кой-когда происходили незначительные стычки* нашего арьергарда с французским авангардом».

По мнению же Поликарпова, русский арьергард, «весьма сильный по своему численному составу», «*ежедневно с утра до позднего вечера*, а иногда и ночью, задерживал стремительный натиск французского авангарда и выдерживал упорные, продолжительные и кровопролитные *сражения*, из которых ген. Богданович *не описал ни одного*, не смотря на всю их важность». Правда, тут же критик заметил, что из числа этих «сражений» *пять* Богданович все-таки упомянул.

«Может быть, - пишет Поликарпов, - для военной истории и безразлично, все ли решительно сражения 1812 года будут описаны, или только некоторые *избранные* из них, но для истории *Отечественной* войны 1812 года пропуск описания многих сражений и полное замалчивание многих сражений является весьма существенным недостатком». С этим мнением автора мы полностью согласны.

По словам Поликарпова, оценка важности арьергардных боев является делом будущих исследователей, поскольку они пока не изучены, но уже сейчас «в важности их, хотя бы и относительной, нельзя, конечно, сомневаться», ибо только благодаря им и возможно было относительно спокойное отступление русских армий. Да и сильную позицию при Цареве-Займище генерал М.И. Кутузов вынужден был оставить вовсе не потому, что она оказалась невыгодной для обороны, ибо она была «лучшею оборонительною позицией на всем пространстве от гор. Смоленска до гор. Москвы», а потому, что арьергард уже с трудом сдерживал напор неприятеля и, подойдя слишком близко к армии, мог втянуть ее в генеральное сражение, которого Кутузов тогда избегал. Такой априорный подход архивиста нас несколько настораживает.

В любом случае, считал Поликарпов, эти арьергардные бои «не лишены интереса и должны быть известны всем, так как эти сведения пополняют пробелы в военно-исторических сочинениях». Эти бои «не только были забыты, но и не были оценены по настоящему, как это ни странно, даже современниками» и «никакой награды за эти сражения не было назначено никому». Такая несправедливость дает еще одно основание для восстановления в памяти потомков славных боевых действий арьергарда. «Таким восстановлением мы почтим память участников этих дел, воздадим должное их доблести и храбрости». Наконец, эти боевые столкновения «явились прологом великой военной драмы», разыгравшейся на поле Бородинском. Изучение этого сражения «немыслимо без предварительного изучения боевой обстановки, создавшей это сражение, то есть без изучения боевых столкновений» с 21 августа до 5 сентябряⁱⁱ. Думается, что с такими суждениями согласится любой историк.

Уже в следующем году авторы знаменитого юбилейного семитомника учли «архивные изыскания» Поликарпова. В наши дни Н. А. Троицкий полностью солидаризировался с его выводами о том, что после Смоленска Наполеон «усилил, как нельзя более, преследование русской армии, фактически не выпуская ее из боя», что русский арьергард «ежедневно, с утра до позднего вечера, а иногда и ночью, задерживал стремительный натиск французского авангарда». При этом Троицкий заметил, что

*советские авторы ни об одном из этих боев вообще не упоминали*ⁱⁱⁱ.

Действительно, заслуги Поликарпова как публикатора большого количества русских документов, в основном наградных списков и рапортов, *огромны*. При всем том *ахиллесовой пятой* всех его работ являлось почти полное незнание иностранных источников, отчего его выводы нередко носили односторонний, неполный и необъективный характер. Противник у Поликарпова в полном смысле слова *безликий*. Попробуйте-ка узнать из его работ, как, впрочем, и из других отечественных книг, с кем же конкретно сражался наш героический арьергард? Читатель найдет только упоминание о кавалерии И. Мюрата и корпусе Л.Н. Даву, а в лучшем случае будут названы дивизии генералов П.Ж. Брюйера (кавалерийская) и Ж. Д. Компана (пехотная). Судя по контексту дневника лейтенанта Л.С. Гардые, 5-я пехотная дивизия Компана вошла в состав авангарда 20 августа, но записи о боевых столкновениях начинаются у него лишь с 27 августа. А. Фэн писал, что 5-я дивизия была подчинена Мюрату лишь с 27 августа^{iv}. Неужели же всего лишь с этими двумя соединениями бился наш солидный по численности арьергард? Тогда возникают сомнения относительно силы давления на него неприятельского авангарда, о чем так уверенно и настойчиво писали Поликарпов и Троицкий.

Кроме того, арьергардные бои на Смоленском тракте нельзя рассматривать изолированно, без учета движений фланговых корпусов так называемой «Московской армии» - 4-го и 5-го, под командой генералов Э. Боарнэ и Ю. Понятовского. Описание наступления этих корпусов в отечественной литературе содержит немало неточностей и «белых пятен» из-за незнания иностранных источников.

Итак, «для полноты картины» необходимо привлечение сведений с противоборствующей стороны. Но тут-то и появляются новые проблемы. Дело в том, что самая объемная, 5-томная публикация документов центральной группировки Великой армии, осуществленная 100 лет назад Ж. Фабри, обрывается 19 августа! По этой причине все последующие события на главном театре военных действий, за исключением разве что Бородинского сражения, не могут быть описаны историками с прежней детализацией. Для данного периода отсутствует еще и такой источник, как перехваченные письма наполеоновских воинов. Остается один выход - опираться на показания мемуаров, со всеми плюсами и минусами этого рода источников. Имена всех таких мемуаристов известны, и остается только собрать их показания воедино. Другое дело, насколько они информативны. Кроме того, можно попытаться привлечь к этому делу археологов, хотя при относительно малом масштабе происходивших на этой дистанции стычек, шансов обнаружить их следы не так-то уж много, особенно учитывая, что по этому же пути прошла затем своим железным катком Вторая мировая война.

Но не только военные действия в данный период представляют интерес для историка, но и эволюция планов М.Б. Барклая де Толли, выяснение того, где же все-таки он собирался дать решающее сражение, и собирался ли вообще это делать? В этой связи необходимо уточнить, какие позиции выбирались российским командованием, каковы были их достоинства и недостатки и почему от них в конечном итоге отказывались? К этому периоду относится еще одна туманная проблема - отстранение генерала М. И. Платова от командования арьергардом. В чем причина этого? Почему атаман уехал из армии, причем не в Петербург, как ему было предписано, а в Москву? Впрочем, мы не претендуем на то, что сможем дать на эти последние вопросы окончательный ответ.

Итак, обратимся к установлению фактической стороны дела, а затем к ее анализу.

Барклай заявил, что сражение 19 августа при Валутиной Горе *«может похвастаться совершенной победой; неприятель был отражен на всех пунктах, и победоносные войска почивали на поле битвы*. Они отступили единственно потому, что цель их была соединение обеих армий»^v. Оставим на совести Барклая это бравурное заявление, ибо на самом-то деле на поле боя ночевали наполеоновские войска. Генерал А. А. Карпов 2-й писал: «Мы, удержав свою позицию, в ночи переправились чрез Грусской луг, присоединились по воле главнокомандующего к арьергарду первой армии под командою ген.-ад. графа Строганова»^{vi}. При этом Карпов отступал через д. Лаврова, Лубино, Заболотье и Бредихино и выставил ночные пикеты из своих казачьих полков^{vii}.

П. И. Багратион получил ложное донесение от казаков, будто «неприятель потянулся большими силами по дороге Ельнинской к Дорогобужу» и потому отправил два полка на Ельнинскую дорогу. Полковник В. А. Сысоев 3-й «отрядил нарочитую команду от места

ночлега полков из селения Волкова к стороне Рославля с предписанием следовать на большой тракт, идущий от Рославля к Смоленску до состоящей при селении Стригове почты и все найденные транспорты обращать зараз в Вязьму».

В письме к царю Багратион выразил возмущение фактом оставления Смоленска: «Не могу умолчать и о том, что отступление от Смоленска поселило уныние в храбрых твоих воинах... что и я сим в великом недоумении, не зная ни прямой надежной цели, ни пределов нашему отступлению. Ежели военный министр ищет выгодной позиции, то по мнению моему и Смоленск представил не малую удобность к затруднению неприятеля на долгое время и к нанесению ему важного вреда. Я по соображению обстоятельств и судя, что неприятель в два дня при Смоленске потерял более 20 000, когда со стороны нашей и в половину не составляет потери, позволяю себе мыслить, что при удержании Смоленска еще 1 или 2 дня *неприятель принужден бы был ретироваться*». (Ныне это суждение может вызвать разве что ехидную улыбку.) В письме к Ф. Ростопчину князь уже не стеснялся в выражениях: «Больно, грустно, и вся армия в отчаянии, что самое важное место понапрасну бросили. Я, с моей стороны, просил лично его убедительнейшим образом; наконец и писал: но ничто его не согласило... Это стыдно и пятно армии нашей; а ему самому, мне кажется, и жить на свете не должно... Он дал слово мне, что не отступит, но вдруг прислал диспозицию, что он в ночь уходит. Таким образом воевать не можно, и *мы можем неприятеля скоро привести в Москву*... Надо командовать одному, а не двум. *Ваш министр, может хороший по министерству; но генерал не то что плохой, но дрянной, и ему отдали судьбу всего нашего Отечества*».

В 4 часа (8) 20 августа войска правой колонны 1-й армии двинулись от Лубино к Соловьевой переправе, куда прибыла и левая колонна генерала Д.С. Дохтурова. А.П. Ермолов вспоминал: «Неприятель ограничился одним за нами наблюдением. Большую часть дня я оставался с арьергардом, страхась и за слабость его состава и сомневаясь в искусстве начальствующего им», так как «быстрый ход по службе не допускал нужной опытности. Из всех наилучших качеств, украшающих Строганова, *военные не суть превосходнейшие*». Карпов 2-й с казачьими полками «прикрывал отступление упомянутого арьергарда, в половину дня соединился на марше с казачьими полками под командою ген.-майора Кутейникова и с ними совокупно *до ночи вели перестрелку с неприятелем*, наступавшим на нас, удерживали его сколько возможно до селения Попова». В тот день отряд Карпова отступил от Бредихино через Попово к Пневой Слободе. Ночью Карпов, «оставя ген.-майора Кутейникова прикрывать арьергард», со своими полками последовал на соединение с отрядом генерала А.И. Горчакова 2-го. Возвратившись поздно вечером к армии, Ермолов был удивлен, «найдя ее еще не переправившеюся за Днепр, ибо опоздавший со своею колонною генерал Дохтуров занимал переправу»^{viii}. 1-я армия переправилась по трем понтонным мостам на левый берег Днепра и расположилась лагерем при Умольи. 2-я армия находилась при д. Михайловке и Новоселье.

На правом берегу Днепра остался казачий корпус Платова^x. Атаман приказал бригаде генерала Д.Е. Кутейникова 2-го, усиленной 1-м Бугским полком, прикрывать отступление правой колонны, а сам с остальными полками следовал в арьергарде левой колонны. Бригада генерала В.Т. Денисова 7-го поддерживала связь между обоими арьергардами. Затем Платов получил приказ прикрывать переправу 1-й армии и расположился впереди д. Пнева Слобода. Он переправил на левый берег Днепра бригаду Денисова 7-го и направил вниз по течению верст на 10 для прикрытия северного фланга.

Южный фланг освещали полки Быхалова 1-го и Сысоева 3-го из 2-й армии. Утром того дня Сысоев прибыл в Ельню, «*неприятеля движений нигде не открыл* и для наблюдения одного учредил по дороге большой от Смоленска к Ельне, в 12 верстах от оной, при селении Хоренки, заставу, приказавоной *разъездсвойиметьдоБолтухина*» (Балутино). Быхалов 1-й расположился на Ельнинской дороге в трех верстах от Дорогобужа, «а команды по сей дороге расставил: первую - в селении Пушкаршине [Пушкино], а вторую - в местечке Измаил [Измайлово]; разъезды ходят от первой к последней, а от последней к Ельне»^x.

Утром того дня Наполеон поехал на поле боя у Валутиной Горы. Он осмотрел место побоища и щедро наградил войска, особенно полки 3-й дивизии, которые получили 87 крестов Почетного легиона. Император вручил орла 127-му полку, который при штурме Смоленска потерял 15 офицеров и 209 солдат, а при Валутиной Горе - 3 офицера и 132

солдата. Вестфальцам из 8-го корпуса А. Жюно наград не досталось; они разбили лагерь рядом с полем боя, и до 24 августа занимались уборкой трупов и лошадиных падалей. По словам адъютанта маршала Ж. Мюрата полковника М.Ж. Россетти, «король Неаполитанский учредил свою главную квартиру в деревянном поместье в двух лье впереди Валутиной [горы] на большой дороге на Москву». 2-я пехотная дивизия генерала Л. Фриана направилась к Днепру. Секондлейтенант Й.Х. Калкройт из дивизии Брюйера записал, что состоялся маленькой бой на форпостах. В тот день был сформирован «мобильный корпус» генерала Д. Пино (15-я дивизия, кавалерийская дивизия К. Пажоля, 12-я бригада легкой кавалерии генерала К.Р. Гюйона), который должен был действовать против «летучего корпуса» Ф. Винцингероде.

Вернувшись в город и взвесив все обстоятельства своего положения, Наполеон поначалу изъявил намерение остановиться в Смоленске. Первые известия о действиях фланговых корпусов побуждали его к осторожности. Но затем он получил донесения о сражении при Городечно и отступлении 3-й армии А.П. Тормасова на Волынь, о победе Л. Сен-Сира при Полоцке и отходе П.Х. Витгенштейна. Кроме того, оставалась нерешенной главная задача - основные силы русской армии не были разбиты; но, если преследовать их к Москве, они обязательно решатся на генеральное сражение. Наполеон, который более всего желал ускорить развязку дела, решил продолжить преследование.

Россетти писал, что 21 августа «войска маршала Нея были чрезвычайно утомлены, император велел заменить их в авангарде 1-м корпусом под командой князя Экмюльского, который был поставлен под команду короля Неаполитанского». Правда, генерал Ф.А. Тест писал, что 1-й корпус вновь двинулся маршем лишь 22 августа, и ни о каких боевых столкновениях не упоминал. Наполеон осмотрел 5-й корпус генерала Ю. Понятовского и пожаловал полякам 86 крестов Почетного легиона.

4-й корпус Э. Боарнэ двинулся по дороге на Духовщину к Помогайловой. Генерал Э. Груши с 3-м кавалерийским корпусом двинулся далее к Духовщине и «нашел все деревни заполненными убитыми и ранеными и захватил три полевых госпиталя, вмещавшие 900 раненых». Полковник Л. Гриуа вспоминал: «Вскоре мы повстречали большую партию казаков, которую гнали перед собой, а затем пехоту и орудия. Соединившись, эти различные войска держались стойко, и, казалось, решили защищать позицию перед городом. Но после оживленного боя и довольно долгих и многочисленных атак, которые мы предприняли, они были отбиты и оставили нам Духовщину. Там мы нашли некоторое количество запасов продовольствия и фуража; часть жителей осталась там. Наши войска не размещались в городе, и мы расположились биваками на равнине»^{xi}. Из русских документов известно, что 10/22 августа донской казачий полк генерала И.К. Краснова 1-го имел дело под Духовщиной.

1-я Западная армия отступила за Днепр. На правом берегу у д. Соловьева остался аррьергард Платова, который делился на две самостоятельные части: «иррегулярный» аррьергард под командой генерала Н.В. Иловайского 5-го и «регулярный» аррьергард генерала Г.В. Розе-на^{xii}, состоявший «в полном распоряжении» атамана, которому было «приказано оставаться у самой переправы долее, дабы собрались люди усталые». Утром севернее Пневой Слободы находились, для подкрепления аррьергарда, Мариупольский и Сумской гусарские и Польский уланский полки с двумя орудиями 6-й конной роты. В 11 часов показались неприятельские фланкеры, завязавшие перестрелку со спешенными казачьими стрелками. Затем появились головы неприятельских колонн, но два орудия, выгодно поставленные полковником Я.П. Гавердовским, своими выстрелами смешали одну из колонн, после чего противник выдвинул на позицию несколько своих орудий.

В 14 часов огонь французской батареи вынудил русских кавалеристов податься назад, и они заняли вторую позицию впереди д. Соловьева, где служили подкреплением казачьим полкам Иловайского 5-го, спешенные стрелки которых, медленно отступая, продолжали вести перестрелку с неприятельскими фланкерами. По просьбе Иловайского, Розен выслал уланских и гусарских фланкеров, которые вместе с казаками удерживали натиск неприятеля до 18 часов, то есть до тех пор, когда «мосты были совершенно истреблены».

По словам Калкройта, в тот день произошел небольшой бой на аванпостах, в котором 2-й прусский сводный гусарский полк потерял убитыми шесть солдат и 15 лошадей, ранеными лейтенанта Квитцова и шесть человек. 2-я пехотная дивизия прибыла

«к Соловьевой, возле Пневой [Слободы]; русский арьергард был еще на правом берегу этой реки, хотя основная часть армии на другом берегу. Генерал Фриан, дивизия которого продвигалась в двух линиях, велел провести рекогносцировку в лесу, расположенном слева от дороги, который тянулся до реки; там обнаружили дорогу, направление которой было параллельно этой большой дороге, так что дивизия могла дебушировать в двух колоннах; ее стрелки произвели множество выстрелов по группам казаков и вынудили их удалиться; тем не менее, противник постоянно продолжал огонь из нескольких пушек, расположенных на батарее, и 3-й конно-егерский полк, размещенный справа от дороги, пострадал от большого числа гранат, выпущенных в него. Король Неаполитанский не решился в тот же день преследовать русских дальше, велел дивизии расположиться биваками на позиции, которую она заняла». Таким образом, рядом со 2-й дивизией находилась легкая кавалерия генерала А. Жирардена из 1-го армейского корпуса.

Как только мосты были уничтожены, регулярная кавалерия начала отступать и переправилась вброд на левый берег. Для обеспечения переправы Платов разместил на левом берегу 6-ю конную и 2-ю донскую артиллерийские роты, а стрелки 1-го, 19-го, 34-го и 40-го егерских полков рассыпались впереди них вдоль берега. Затем начали переправляться вброд донские полки, за которыми немедленно устремился неприятель, но огонь конной артиллерии и егерей остановил его и отбросил от переправы. При этом донская рота «в силу необходимости... разбилась на батареи» по два орудия под командой есаулов Андреева и И.И. Кирпичева, сотников И.Я. Богаевского и Кульгачева, хорунжих Подгаевского и Ребрикова, которые «защищали переправу искусными выстрелами и, смешав огнем своих орудий неприятельские колонны, принудили их удалиться от берега».

Полковник Я.В. Захаржевский, командуя своей и донской ротами, «отражал неприятеля, стремившегося за казаками к переправе через р. Днепр и, расстроив своим огнем колонны неприятеля, отбросил их от берега». Адъютант Барклай капитан А.Н. Сеславин, «находясь на всех наших батареях, устроенных у дер. Пневой слободы и на берегу р. Днепра, способствовал успешному действию их». С наступлением ночи Платов поручил охранение левого берега и брода казакам, а войска Розена расположил за д. Соловьево. Ночь прошла спокойно. 1-я армия весь день провела при д. Умолье и лишь в 21 час снялась с биваков и переправилась через р. Ужу^{xiii}.

22 августа войска 1-й армии отошли к с. Усвяты на правом берегу р. Ужи. Главная квартира находилась в д. Андреевской. 2-я армия перешла от д. Михайловки и Новоселок к Дорогобужу. В тот день войска Мюрата и Даву достигли Пневой Слободы. 5-й корпус Понятовского двинулся от Смоленска вверх по левому берегу Днепра через Дрозжино, Глинище, Яново к Белкино.

На рассвете противник выдвинул батареи на правый берег Днепра и под прикрытием их огня и высланных вперед стрелков, стал наводить понтонный мост. С 6 часов спешенные стрелки донских полков Иловайского 5-го вступили в перестрелку с французской кавалерией и пехотой. 1-й Башкирский конный полк, из-за своего низкого боевого качества, был употреблен исключительно для перевозки на своих лошадях русских солдат, брошенных по дороге.

По приказу Платова «регулярный арьергард» в 10 часов отступил к д. Михайловке, где Розен и Гавердовский «избрали позицию». На высотах расположились четыре орудия поручика И.Г. фон дер Вейде 1-го, 6-я конная рота и шесть орудий донской артиллерии. Два донских орудия поставили для обороны переправы у разрушенного моста на большой дороге. 19-й и 40-й полки встали в колоннах за деревней. Их стрелки рассыпались у подошвы занятых артиллерией высот, около прудов и ручья; лес на левом фланге и кустарники на правом фланге также были заняты стрелками. Опушку большого леса занял 34-й полк, а сам лес, впереди которого протекал другой болотистый ручей, и деревню слева от него - 1-й егерский. Кавалерийские полки встали в полковых колоннах на равнине, позади 19-го и 40-го полков.

В 15 часов к лесу отступил Платов с донскими полками, осмотрел позицию и нашел «ее весьма выгодною к отражению стремления неприятельского». В 16 часов «казацкии стрелки», отходившие последними, «навели» неприятеля к лесу, где французские кавалеристы были неожиданно встречены огнем двух донских орудий, поставленных у разрушенного моста. Противник был вынужден остановиться, развернул несколько орудий, рассыпал стрелков и открыл сильный огонь. 1-й полк под командой полковника

М.И. Карпенко и майора Ильинского и два донских орудия удерживали лес «с отменной храбростью». Усилившийся неприятель вынудил Розена снять два донских орудия с передовой позиции, но он подкрепил егерей 1-го полка еще одной ротой капитана Ахматова (Ахмылова) и «по барабану» (т. е. не по команде, а по сигналу) подвинул стрелковую цепь вперед. Однако противник усилил огонь, и Розен приказал 1-му полку отступить к главной позиции, «разделясь вправо и влево от дороги». Карпенко исполнил приказ «в совершенном устройстве и занял кустарники *на правом фланге* позиции».

34-й полк под командой полковника Е.М. Пиллара и батальонных командиров, подполковника И.О. Дмитриева и майора И.С. Малиновского, «назначен был для обороны *опушки леса и левого фланга* позиции», а капитан С.А. Дергун командовал стрелками. Полк удержал опушку большого леса до 18 часов, когда получил приказ отступить таким же порядком, как и 1-й полк. Противник устремился за отступающими егерями, но был остановлен огнем русских батарей. На новой позиции бой продолжился с большим ожесточением; *левый фланг* начал ослабевать и потому был усилен батальоном 40-го полка подполковника П. С. Букинского 2-го, который был оставлен Розеном «с 200 стрелков прикрывать *левый фланг* позиции». Остановленный на этом крыле неприятель, обратил свои усилия на центр и *правый фланг*. В центре русские батареи и прикрывавшие их стрелки «принудили его уменьшить стремление и скрыть свои колонны». *Правый же русский фланг* был не только потеснен неприятелем, но стрелки 1-го и 34-го полков «даже вынуждены были очистить большую часть занимаемого ими кустарника».

В этот критический момент Розен направил *на правый фланг* другой батальон 1-го полка и велел ему, не занимаясь перестрелкой, ударить в штыки и обойти *левый фланг* противника. Полковник Карпенко и майор Н.Ф. Сибирцов «с большим стремлением и неустрашимостью ударили на неприятеля, опрокинули с большим кровопролитием и более полуверсты гнали по лесу», где и взято в плен «до 40 человек, бывших в стрелках». Майор М.М. Петров со своим батальоном содействовал батальону Сибирцова и, «охватя *фланг* неприятельских стрелков, привел их в расстройство». Капитан К. А. Токарев, «находясь с двумя ротами в резерве, усилил, при отступлении стрелков, их *левый фланг* и, остановив этим стремление неприятеля, способствовал стрелкам занять назначенное им место». Подпоручик Ф.Р. Коницкий командовал четырьмя орудиями 6-й конной роты на *правом фланге* и «способствовал отражению двух неприятельских колонн, стремившихся на этот *фланг*». После этого противник прекратил атаки, но перестрелка продолжалась до 22 часов. Пока происходил этот бой, капитан Сеславин собрал 40 стрелков, занял с ними кусты за ручьем впереди батарей и не позволил французским стрелкам приблизиться к кустам и «вредить пулями наших артиллеристов».

После этого противник вторично атаковал *левый русский фланг*, «но и тут обращен был штыками» егерей 40-го полка подполковника Букинского и присланных на помощь под командой полковника Г. П. Потемкина трех рот 19-го егерского полка. Дело ограничилось перестрелкой. В 22 часа противник вновь усилил огонь против *левого фланга* и повел «сильную атаку стрелками». Полковник Н.В. Вуич, будучи «старшим по пехоте» и «совершенным помощником» генерала Розена, подкрепил этот *фланг* батальоном 19-го полка, встретил противника штыками, опрокинул его и занял половину леса. Майор Куткин и поручик Н. И. Полозов, «при отражении неприятеля на *левом фланге*, оказали выдающиеся примеры храбрости и удержали порядок в ротах, коими командовали». Несколько светящихся ядер, выпущенных из русских орудий, осветили местность и боевой порядок французов, которые укрылись в глубине леса. Наступило временное затишье. Около полуночи противник снова приблизился к *левому флангу* и открыл сильный ружейный огонь, но вновь был опрокинут. Батальон Букинского «занял часть леса и удержался в ней до совершенного очищения арьергардом своей позиции и его отступления». Штабс-капитан Остаповский и подпоручик Фиралов во время «сильного нападения неприятеля ночью на *левый фланг* позиции арьергарда, были посланы с своими ротами на подкрепление этого *фланга* и смелым ударом в штыки не только опрокинули неприятеля, но и остановили дальнейшее его стремление». На этом закончился *бой при Михалевке*. Арьергард Розена оставался в полной боевой готовности до 3 часов.

Известно, что в тот день дивизия Брюйера переправилась через Днепр у Слободы Пневой (Stornewa) и сражалась с русским арьергардом. Генерал Компан написал супруге из Новоселья: «25-й [полк], который образует авангард моей дивизии, которая движется во

главе армии, сражался блестящим образом». Дивизия Фриана перешла Днепр и направилась к Усвяту.

В реляции Розена Платову сказано, что «в продолжение восьмичасового сражения» «употреблено было с нашей стороны в действие семь баталионов пехоты, в коих было под ружьем не более 2 800 человек, 4 орудия батарейных, 12 конных и 8 донских, кавалерия по местоположению действовать не могла и оставалась в резерве. Неприятель не только был удержан, но и отражен с большим уроном». В плен взято до 60 человек, «из коих 26 человек отправлены в Главное дежурство, а остальные, по неимению подвод, оставлены мною раненые в селении Михайловке». Платов же, подводя итоги дня, написал Ермолову: «С самого утра не было и часу свободного весь день, чтобы неприятель не наступал на арьегард *самым наглым образом*»^{xiv}.

«Московская армия (l'armée de Moscou)» Наполеона насчитывала тогда до 150 тыс. человек, не считая мобильного корпуса Пино. «Таким образом, - констатировал Богданович, - силы обеих сторон мало по малу приходили в равновесие, которое могло быть нарушено единственно решительной победою. Наполеон полагал - и не ошибался в своем мнении, - что русские отступили как бы нехотя, и потому постоянно надеялся вовлечь их в генеральное сражение»^{xv}.

22 августа Барклай написал Ростопчину: «*Нынешнее положение дел непременно требует, чтобы судьба наша решена была генеральным сражением. Я прежде сего полагал продолжить войну до окончательного составления внутренних ополчений, и посему надобно было вести войну общими движениями*» не только 1-й и 2-й, но и 3-й армии. Но поскольку армия Тормасова никак себя не проявила, то «мы находимся в необходимости возлагать надежду нашу на генеральное сражение. Все причины, доселе воспрещавшие давать оное, ныне уничтожаются. Неприятель слишком близко к сердцу России, и сверх того мы принуждены всеми обстоятельствами взять сию решительную меру, ибо в противном случае армии были бы подвержены сугубой гибели и бесчестию». Признавая, что «в генеральном сражении мы, конечно, будем иметь большую потерю в людях», Барклай просил Ростопчина «спешить приготовлением сколь можно скорее Московской военной силы и собрать оную в некотором расстоянии от Москвы, дабы в случае нужды подкрепить наши армии».

В том же смысле Барклай написал генералам Витгенштейну и М.А. Милорадовичу, прося последнего поспешить из Калуги к Вязьме. Тормасова Барклай убеждал «действовать быстро, безостановочно в тыл неприятелю», ибо от 3-й армии «теперь зависит спасение государства и Отечества». Императору Барклай сообщил, что «потеря 1-й армии в последних сражениях весьма значительна», и потому просил его «о повелении составить резервный корпус, который мог бы мне служить подкреплением», а «между тем, чтобы предупредить случайности какого-либо слишком поспешного предприятия и имея пред собою превосходного неприятеля, я буду вместе с князем Багратионом стараться избегать генерального сражения»^{xvi}. Таким образом, Барклай, с одной стороны, убеждал генералов в неизбежности скорого генерального сражения, а с другой стороны, нашел очередную отговорку, чтобы избежать его - необходимость подкрепления, о чем и написал царю.

Богданович писал, что в это время целью обоих российских главнокомандующих «было приискание местности, выгодной для оборонительного сражения. Стремление вступить в решительный бой проявлялось еще сильнее в народе и войсках после потери Смоленска». В этой ситуации Барклай, уступая силе обстоятельств, «послал несколько офицеров генерального штаба для обозрения местности по пути к Москве и для приискания позиций, представлявших выгоды в оборонительном отношении; из донесений этих офицеров оказалось, что на пространстве между Смоленском и Гжатском были найдены *две позиции: при Усвятье, за речкою Ужей, и при Царево-Займище* ».

Генерал-квартирмейстер 1-й армии полковник К.Ф. Толь, получив приказание осмотреть эти позиции, нашел позицию при Усвятье весьма выгодной. Правый ее фланг примыкал к Днепру, фронт был прикрыт р. Ужей, которая хотя и мала и течет в неглубокой ложбине, но представляет некоторую преграду для неприятеля. Местность впереди открыта и удобна для обозрения, а в тылу ее встречаются предметы, способствующие прикрытию войск. Но левый фланг позиции был подвержен обходу. Кроме того, неприятель, двигавшийся из Духовщины к Дорогобужу по другому берегу

Днепра, мог обойти позицию и с правого фланга. Толь предложил для предотвращения обхода с левого фланга разместить часть войск в виде резерва позади главных сил. С этой целью 1-я армия заняла избранную позицию, а 2-я армия отошла к Дорогобужу.

После прибытия Главной квартиры 1-й армии в Усвятье оба главнокомандующие отправились на рекогносцировку вместе с великим князем Константином Павловичем, всеми корпусными командирами и другими генералами. Во время осмотра Багратион заметил, что против правого фланга позиции находится господствующая высота, которую мог использовать противник, но Барклай все же решил дожидаться здесь неприятеля и предложил Багратиону приблизить 2-ю армию к левому флангу 1-й армии. И.Ф. Паскевич вспоминал: «На Усвятской позиции сильнейший нас числом неприятель мог обойти наше левое крыло, отрезать от Дорогобужа и оттеснить в угол при слиянии рек Ужи с Днепром»^{xvii}.

Поскольку местность к востоку от Михалевки представляла открытое и ровное пространство, удобное для действий кавалерии и невыгодное для действий пехоты, то по приказанию Платова «регулярный» арьергард Розена в 3 часа 23 августа отошел к с. Усвятье, куда прибыл в полдень. Его отступление прикрывал батальон подполковника Букинского из 40-го полка. Розен расположил войска в следующем порядке. Передовой (тыльный) отряд полковника Вуича (19-й полк, батальон Букинского, дивизион 4-й батарейной и шесть орудий 6-й конной рот) расположился перед Усвятском; для прикрытия артиллерии были назначены четыре эскадрона Польского уланского полка полковника А.И. Гурьева; все остальные войска переправились за р. Ужу. Между тем казаки Платова «в ретире от деревни Михалевки до села Усвятя» весь день удерживали превосходящего неприятеля, «переноса всю жестокость огня». Сведений об этих стычках в русских источниках не сохранилось, кроме упоминания, что подполковник М.Г. Власов 3-й с полками своим, Харитонов 7-го и Симферопольским конно-татарским, участвовал «в удержании неприятеля». К 14 часам казаки расположились на правом берегу р. Ужи возле Усвятя на позиции вместе с главными силами 1-й армии.

Россетти вспоминал, что «русский арьергард занял позицию в Усвяте, король Неаполитанский со своей кавалерией и одной дивизией 1-го корпуса перешел Борисфен в Соловьевой и атаковал этот арьергард под командой Багратиона». По словам Калкройта, 2-й прусский гусарский полк «спас французскую батарею, которая уже была окружена неприятельской кавалерией. В этот день лейтенант фон Борке был ранен пулей на излете в правую ногу, а его лошадь убита, 5 человек, 3 лошади также были ранены». Пока авангард Мюрата теснил неприятеля, дивизия Фриана двигалась по дороге к Дорогобужу.

Между тем Багратион, оставив у Дорогобужа на правом берегу Днепра отряд Д.П. Неверовского, а на левом берегу - отряд генерала К. К. Сиверса 1-го, в 15 часов со своей армией приблизился к 1-й армии и расположился уступом позади ее левого фланга. Он выдвинул вперед охранительный отряд генерала И.В. Васильчикова 1-го, который стал южнее арьергарда Платова на правом берегу Ужи. В это время передовые части французского авангарда подошли к левому берегу Ужи и открыли сильную перестрелку и канонаду. Тогда Багратион высказал опасение за свой левый фланг, подверженный обходу, и заявил, что позиция при Дорогобуже является более выгодной. В то же время были получены донесение от Винцингероде о том, что корпус Боарнэ приближается от Духовщины к Дорогобужу. Эти обстоятельства вынудили Барклая ночью отвести обе армии к Дорогобужу.

На самом же деле в тот день корпус Боарнэ дошел до селения Новая Слобода (Володимерова), где вице-король остался с пехотой, а баварская кавалерия продвинулась до д. Помогайлово. Боарнэ хотел идти на Духовщину, но адъютант Груши сообщил ему, что эта местность несколько дней назад оставлена отрядом Винцингероде. Корпус Нея дошел до Пневой Слободы. Корпус Понятовского прошел через д. Манчино, р. Свиная, д. Шилово до Алексева. Корпус Пино получил приказ присоединиться к «Московской армии»^{xviii}.

24 августа 1-я армия расположилась на позиции впереди Дорогобужа. 2-й пехотный и 1-й кавалерийский корпуса были направлены на правый берег Днепра для противодействия войскам Боарнэ, а отряд Неверовского присоединился ко 2-й армии, которая встала на левом фланге и в 7 верстах позади 1-й армии, при д. Бражино на Старой Смоленской дороге.

Отступление армий прикрывали арьергард Платова и отряд Васильчикова. Казаки Платова стояли западнее Усвяты, отряд Васильчикова - к югу от него. В 14 часов французский авангард занял высоты перед Усвятем и «начал движениями стремительно атаковать» казачьи бекеты. По приказу Платова, регулярный арьергард Розена отошел на позицию в 7 верстах не доходя до Дорогобужа. Розен занял егерями лес, на возвышенностях расположил артиллерию, а кавалерию разместил в две линии между лесом и деревней. Между тем, по словам Платова, «донские казачьи полки останавливали и отражали смелыми атаками и действием донских орудий неприятельское наступление». «Однако же, - признавал атаман, - *неприятель наступает, но не в таких уже силах, как вчера*», он «меня преследовал до Дорогобужа, но не сильным уже наступлением, как вчерашнего дня». В конечном итоге «неприятель, сильно отражаемый донскою артиллериею и донскими полками, остановился» перед позицией Розена. Никаких подробностей об этих стычках не сохранилось.

И. Т. Радожицкий вспоминал, как повстречался с казаками из арьергарда. «Они очень жаловались, что даже им стало невмочь стоять против вражеской силы; что именно сего дня они шибко схватились с французами, так, что из-за густой пыли друг друга не узнавали. "И тут-то, батюшка, - промолвил казак, - наших пропало сотни три. Нет уж мочи держаться: так и садится окаянный на шею; а их пушки: только мы приготовимся ударить на гусаров, как пустят треклятые в нас хлопушки и катышки [гранаты и картечь]. Право, уж и Матвей Иванович откажется; воюйте себе сами как хотите"»^{xix}. Видимо, речь здесь идет о бое предыдущего дня.

Между тем арьергард Васильчикова занимал весьма удобную позицию - «лесистые и овражистые места», где неприятельская кавалерия не могла действовать. Но когда через Ужу переправилось «не малое число пехоты», которая заняла леса, окружавшие позицию, Васильчиков вынужден был отступить (примерно в то же время, что и Платов). Затем Васильчиков получил приказ Багратиона отступить по Старой Смоленской дороге через д. Пушкино к д. Бражино. Около 17 часов. Васильчиков исполнил приказ и прибыл в Бражино в третьем часу ночи, а для прикрытия двух других дорог, ведущих к Дорогобужу, выслал Иркутский и Сибирский драгунские полки, которые послужили связью с арьергардом Платова^{xx}.

Ермолов писал, что при Дорогобуже «позиция занята была стесненная». Барклаем «отмечена грубая ошибка полковника Толя: не доставало места для расположения войск, при других ее недостатках. Ему сделан жесточайший выговор, исправить ошибки поручено другому. Последствий от того не было, и намерение ожидать неприятеля вскоре отменено. Полковник Толь, отличный имеющий познания своего дела, не мог впасть в подобную ошибку иначе, как расстроен будучи строгим замечанием князя Багратиона за неприличные, излишне смелые, ответы главнокомандующему, военному министру. Чрезмерное самолюбие его поражено было присутствием многих весьма свидетелей»^{xxi}.

По словам М.С. Вистицкого, «в позиции при Дорогобуже правый фланг наш расположен был к неприятельским высотам, с коих он вдоль нашего фронта мог бить; при объявлении сего Багратионом генерал-квартирмейстер 1-й армии Толь сказал, что он сего не заметил, а Багратион сказал, что он наденет на него за сие белую лямку... В сей позиции фронт 1-й армии был к Днепру, перпендикулярно к неприятельскому фронту, резервы ее тылом к неприятелю и пр[очее], что Барклай, рассмотрев по просьбе Багратиона, сказал при всех, что Толь должен быть или изменником, или сумашедшим».

П.Х. Граббе вспоминал: «Отыскивали удобной позиции для принятия генерального сражения. Генерал-квартирмейстер Толь выбрал перед Дорогобужем, казавшуюся ему выгодной. Оба главнокомандующие и цесаревич Константин со своими штабами выехали 12-го августа осмотреть ее. Я поехал также. Барклай-де-Толли заметил разные невыгоды этой позиции, в особенности на левом ее фланге. Толь защищал ее с самонадеянностью и без осторожности в выражениях, наконец прибавил в увлечении, что позиция, им избранная, не может иметь тех недостатков, какие в ней находят. Тут разразилась туча. Едва он выговорил это с тоном еще более неприличным, чем самые слова, как князь Багратион выехал вперед: "Как смеешь ты так говорить и перед кем: взгляни, перед братом государя, перед главнокомандующими, ты мальчишка! Знаешь, чем это пахнет, - белой рубашкой". Все умолкло. Барклай-де-Толли сохранил непоколебимое хладнокровие, цесаревич осадил свою лошадь в толпу, у Толя пробились слезы и текли по суровому

лицу».

По свидетельству самого Баркляя, позиция, занятая русскими армиями, имела много неудобств: во-первых, пришлось отрядить целый корпус на правый берег против вице-короля; во-вторых, армия вынуждена была растянуться на значительное пространство, чтобы левым флангом занять господствующие высоты; в-третьих, город, расположенный позади армии на весьма пересеченной местности, мог затруднить возможное отступление войск с позиции; наконец, 2-я армия была расположена слишком далеко от 1-й. К. Клаузевиц также считал, что эта позиция была «отвратительной (abscheulich)»: «Пространство впереди ее фронта не представляло никаких преград для неприятеля и было неудобно для обозрения; позади правого фланга лежал город на гористой местности; корпус Багговута занимал еще худшую позицию».

Ночью российские войска получили приказ отступить тремя колоннами: первая (войска 2-й армии) на Божан и Лужки, вторая (3-й, 4-й, 5-й и 6-й пехотные корпуса, резервная артиллерия) на Чеботово и Семлево, третья (2-й пехотный и 1-й кавалерийский корпуса, три казачьих полка) двинулась на Какушкино и Афонасьево. Поскольку местность от Дорогобужа до Вязьмы довольно открыта, то для поддержки центрального арьергарда были оставлены позади 2-й и 3-й кавалерийские корпуса. Для прикрытия сообщений с Тверью «летучий корпус» Винцингероде был направлен от Духовщины к Белому, а для связи его с армией был выслан на дорогу из Духовщины в Вязьму отряд генерала И.К. Краснова (три казачьих полка), поддержанный отрядом генерала И.Е. Шевича (два батальона гренадер, восемь эскадронов драгун)^{xxii}.

Корпус Боарнэ, двигаясь по дороге на Духовщину, дошел до Топорова, свернул направо и остановился у с. Пологи; его баварская кавалерия дошла до Духовщины. Утром того дня Наполеон выслал из Смоленска гвардию, а сам выехал к армии в 1 час ночи. Корпус Понятовского шел через д. Чувахи, Милеево, Васюки, Путятино, Шилово и добрался до Басманово. Корпус Пино дошел до Яновичей, откуда выслал разведки.

Капитан Г. Бонне записал, что войска 3-го корпуса перешли Днепр и двинулись по дороге на Москву и через какое-то время «нашли три дивизии 1-го корпуса, которые выступили через час после нашего прибытия... Там 21-го был бой на месте, где мы расположились биваками». В тот день во главе 5-й дивизии шел 57-й линейный полк. Лейтенант К.А. Ведель из дивизии Брюйера вспоминал, что после переправы через Днепр кавалеристы «лишь иногда наталкивались на противника, если где-нибудь дефиле, лес, болото, разрушенный мост могли задержать на время наше продвижение. Все деревни были покинуты, все запасы уничтожены, стоявшие на полях стога сена и вся солома сожжены. Если деревня располагалась так, что ее нельзя было обойти, то ее поджигали последние русские, для чего было достаточно одного выстрела из пистолета в низкую и сухую соломенную крышу. Затем мы должны были ожидать, пока она не сгорит полностью; во всяком случае иначе было невозможно провезти артиллерию и пороховые ящики». «Вскоре мы услышали, что в двух днях пути перед нами лежит город Дорогобуж, где должны дать большое сражение. Это сообщение вызвало всеобщую радость, и мы непоколебимо верили в победу, а с ней - в конец всех тяжестей и страданий»^{xxiii}.

В ночь на 25 августа русские соединенные армии продолжали отступление тремя колоннами. Прикрытием средней колонны, следовавшей по Новой Смоленской дороге, были арьергарды Платова и Розена. Для прикрытия правой (северной) колонны был сформирован арьергард полковника К. А. Крейца^{xxiv}, а прикрытием левой (южной) колонны служил «отряд левого фланга» генерала Сиверса 1-го^{xxv}, которому был подчинен отдельный казачий отряд 2-й армии генерала Карпова 2-го^{xxvi}.

Поскольку войска Боарнэ могли прибыть в Дорогобуж раньше русских, Платов приказал «Розену с пехотой и регулярной кавалерией, в три часа по полуночи, выступить и, пройдя город Дорогобуж, остановиться за рекою Осьмою». Пройдя через город в 8 часов, Розен занял позицию по правому берегу Осьмы «для удержания стремления неприятельского». Вдоль берега «раскинулись егеря», для обороны моста и находившегося поблизости от него брода расположились четыре орудия поручика Вейде 4-й батареей роты и шесть орудий 6-й конной роты.

Ведель вспоминал: «25 августа мы заметили вдали башни, это был Дорогобуж; но противника почти не было видно, и после нескольких легких стычек мы вступили в Дорогобуж. В тот день из-за своей неосторожности я едва не был взят в плен или убит. В

то время как пехота двигалась к городу по долине, наш полк двинулся тем же путем по гребню длинного ряда холмов на правом фланге. Я возглавлял авангард полка... Русские не защищали город, но подожгли его... В это время мы терпели большую нужду, так как русские сжигали или портили все, что не могли увезти».

Капитан В. Дюнои из той же дивизии свидетельствовал: «После боя у Валутиной противник продолжил свое опустошительное отступление, а мы наше преследование. Каждый день с пяти часов утра мы вели перестрелку с казаками, и каждый раз это длилось до десяти или одиннадцати часов вечера. Они увозили все, что имелось, из деревень, угоняя жителей, которые укрывались в лесах; затем они их поджигали. Когда, из-за смелого маневра или мощной атаки у них не оставалось на это времени, их артиллерия бросала зажигательные бомбы, которые приводили к тем же результатам, поджигая соломенные крыши домов. Такая манера вести войну была для нас очень вредной. После целых дней боев и трудностей мы едва находили, чем прокормиться, и зачастую не имели ничего, чтобы дать нашим лошадям».

Калкройт из 2-го прусского гусарского полка отмечал: «25 августа полк прошел через Дорогобуж на дорогу на Рыбки. Лейтенант фон Мантойфель прибыл на службу к генералу Русселю и сменил лейтенанта фон Калкройта; все же через несколько дней к генералу Русселю был командирован лейтенант фон Лемке»^{xxvii}. Дивизия Фриана прибыла к Дорогобужу, не участвуя в боях.

А. И. Михайловский-Данилевский писал: «Ночью 13-го, по отступлении казаков, Мюрат вошел в Дорогобуж, опустелый, но несожженный. Французы бросились отыскивать съестные припасы и ничего не нашли в погребах и амбарах: все было вывезено жителями. Из мщения французы зажгли Дорогобуж»^{xxviii}. Подобная *откровенная ложь* дает повод усомниться и в некоторых других заявлениях этого официального историка.

Затем в Дорогобуж вступил корпус Даву, а позже прибыл Наполеон. В тот день 4-й корпус Богарне переправился через р. Воль и прибыл в Заселье, где соединился с корпусом Груши и баварской кавалерией, вернувшимися из Духовщины. Вице-король послал нескольких офицеров в Дорогобуж к императору^{xxix}.

В 12 часов казачий арьергард присоединился к отряду Розена, и перед ними появились сильные колонны неприятельской кавалерии и пехоты. Противник выслал фланкеров для рекогносцировки берегов реки и поиска переправ. Они спустились с высот, но были встречены сильным огнем русских орудий и стрелков и отступили. Наступило некоторое затишье.

В 15 часов французские батареи открыли перекрестный огонь, на который «батарея наша, взяв орудиями должные направления, отвечала с большим успехом так, что неприятельская батарея против левого нашего фланга умолкла и была сведена после четырехчасового с обеих сторон действия артиллерии». Поручик Вейде заставил замолчать «вредившую более всех батарею против нашего левого фланга и тем самым способствовал безвредному нашему отступлению». Захаржевский «самым искуснейшим образом не допустил действием артиллерии нашей приблизиться неприятельским колоннам и несколько раз принуждал молчать неприятельские батареи и переменять места, которые вредили нам сначала перекрестными выстрелами». Капитан Геркен 1-й, «действуя четырьмя орудиями по неприятельским батареям, заставил главную из них умолкнуть и переменить выгодную позицию, чем способствовал безвредному отступлению нашей пехоты». Сеславин, как артиллерист, «находился при батареях наших, способствовал много к отражению неприятеля, особенно на угрожаемом нашем левом фланге».

По приказу Платова в 19 часов арьергард Розена начал отступление к Семлево, прикрываясь оставленным «для удержания неприятеля на переправе» батальоном подполковника Букинского, который после оживленной перестрелки с неприятелем, был сменен спешными стрелками донских полков. В наградном документе сказано, что Букинский «командовал цепью стрелков, раскинутых по берегу р. Осьмы», а затем генералом Розеном был «оставлен для удержания неприятеля во время отступления арьергарда, что выполнил в точности, отражая храбро все покушения его, и удержался до тех пор, пока не был сменен казачьими стрелками». Казачьи полки в тот день потеряли 40 человек убитыми и 20 тяжелоранеными. На биваке у р. Костря к арьергарду Розена присоединились 18-й и 33-й егерские полки и четыре орудия поручика П.Е. Баумана из 23-й батареей роты. Казаки Платова ночью отступили на 15 верст от Дорогобужа,

перешли Осьму, мост через которую сожгли, и расположились у Болдинского монастыря возле с. Болдино. В сторону неприятеля были высланы две сотни Атаманского полка есаула М.И. Пантелеева^{xxx}.

После занятия Дорогобужа «Московская армия» Наполеона двинулась по дороге к Вязьме, корпус Боарнэ - в обход русского правого фланга на Благово и Березки, а корпус Понятовского в тот день прошел через Каськово и Сташов в Пушкино. Во главе авангарда по-прежнему находился Мюрат в зеленой, шитой золотом куртке и в шляпе с высоким пером, на вороном коне, окруженный блестящей свитой^{xxxii}. Пино получил приказ императора и направился к Дорогобужу через Поречье.

(Продолжение следует)

ПРИМЕЧАНИЯ

ⁱ *Поликарпов Н.П.* К истории Отечественной войны 1812 года (по первоисточникам): Забытые и неописанные воен. историей сражения Отечеств. войны 1812 года, вызвавшие своим ходом решительное (генеральное) сражение 26 августа 1812 года при селе Бородине. М., 1911. Вып. 1-3.

ⁱⁱ *Поликарпов Н.П.* Указ. соч. Вып. 1. С. 3-4, 6-10.

ⁱⁱⁱ Отечественная война и русское общество. М., 1912. Т. 4. С. 8; *Троицкий Н.А.* 1812: Великий год России. М., 2007. С. 247.

^{iv} *Gardier L.* Journal de campagne de Russie en 1812. P., 1999. P. 41-13; *Fain A.* Manuscrit de 1812. P., 1827. Т. 1. P. 431; *Bernhardi Th.* Denkwürdigkeiten des Grafen von Toll. Leipzig, 1856. Bd. 2. S. 29.

^v *Барклай де Толли М.Б.* Изображение военных действий 1812 г. СПб., 1912. С. 19.

^{vi} Павловский, С.- Петербургский и Таврический гренадерские полки, 3-я батареинная рота.

^{vii} Казачий отряд 2-й Западной армии включал полки Карпова 2-го, Иловайского 11-го, Грекова 21-го, Мельникова 4-го.

^{viii} Материалы ВУА. СПб., 1911. Т. XV. С. 19; Записки А.П. Ермолова. М., 1991. С. 174-75; *Поликарпов Н.П.* Боевой календарь-ежедневник. Ч. 1 // Тр. МО РВИО. М., 1913. Т. IV. С. 371; *Харкевич В.М.* 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Вильно, 1900. Вып. 1. С. 224.

^{ix} Арьергард Платова включал бригады генералов Н.В. Иловайского 5-го (полки Иловайского 5-го, Власова 3-го, Грекова 18-го), Денисова 7-го (полки Денисова 7-го, Жирова), Кутейникова 2-го (полки Харитонов 7-го и Симферопольский конно-татарский), Краснова 1-го (полки Краснова 1-го, Андриянова 2-го, Перекопский конно-татарский и Тептярский), Атаманский полк и 2-я донская конно-артиллерийская рота войскового старшины Суворова (*Поликарпов Н.П.* Боевой календарь-ежедневник. С. 370). На самом деле полк Краснова 1-го отступал по дороге к Духовщине.

^x Материалы ВУА. СПб., 1911. Т. XVI. С. 36-37; *Поликарпов Н.П.* Боевой календарь-ежедневник. С. 371-374.

^{xi} *Щукин П.И.* Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 г. М., 1903. Ч. VII. С. 250; *Харкевич В.И.* Указ. соч. Вып. 2. С. 78; *Teste F.A.* Souvenirs // CdS. 1911. P. 665; *Labaume E.* La campagne de Russie. Le récit d'un officier de la Grande Armée 1812. P., 2001. P. 87; *Lacord J.L.* Journal historique. P., 1992. P. 138; *Rossetti M.* Journal inedit. P., 1998. P. 109; *Castellane B.* Journal. P., 1895. Т. 1. P. 140; *Kalchreuth J.H.* Der Feldzug nach Moskau im Jahre 1812 des konigl. Preuß. kombinierten Husaren-Regiments Nr. 2 // Zeitschrift für Kunst, Wissenschaft und Geschichte des Krieges. 1835. Bd. 34. Hft. 4-6. S. 152; *Cheron A.* Mémoires inédits sur la campagne de Russie. P., 2001. P. 20; *Friant F.* Vie militaire de lieutenant-général comte Friant. P., 1857. P. 228.

^{xii} 34-й, 1-й, 19-й, 40-й егерские полки, 6-я конно-артиллерийская рота полковника Захаржевского и дивизион (четыре орудия) поручика Вейде 4-й батареинной роты. Поликарпов указывает вместо Елизаветградского гусарского Курляндский драгунский полк и командиром всего регулярного арьергарда, включая кавалерию, называет Розена. Богданович включил в арьергард 4-й полк, которого в нем вообще не было, и 18-й и 33-й полки, которые поступили в арьергард лишь 14 (26) августа.

^{xiii} Материалы ВУА. СПб., 1911. Т. XV. С. 19. СПб., 1911. Т. XVII. С. 184; Записки А. П. Ермолова. С. 175; *Поликарпов Н.П.* Боевой календарь-ежедневник. С. 374-378; *Он же.* К истории Отечественной войны... Вып. 1. С. 15-18; *Kalchreuth J.H.* Op. cit. S. 152; *Friant F.* Op. cit. P. 228.

^{xiv} Материалы ВУА. Т. XV. С. 19-20; Т. XVII. С. 184; *Поликарпов Н.П.* К истории Отечественной войны... Вып. 1. С. 19-26; *Он же.* Боевой календарь-ежедневник. С. 387-394; *Попов И.П.* Материалы

- к истории Дона. Новочеркасск, 1900. С. 60; *Михайловский-Данилевский А.И.* Описание Отечественной войны в 1812 г. М., 2008. С. 222; *Богданович М.И.* История Отечественной войны 1812 г. СПб., 1859. Т. 1. С. 303-304; *Jelshi L.* Marsze i działania korpusu polskiego w kampanii moskiewskiej, 1812 // *Bronihowshi X.* Pamiętniki polskie. Paryż, 1845. Т. 3. С. 43; *Kalchreuth J.H.* Op. cit. P. 152; *Friant F.* Op. cit. P. 228; *Ternaux-Compans N.D.* Général Compans. P., 1912. P. 166.
- ^{xv} *Богданович М.И.* Указ. соч. Т. 1. С. 313-314; Т. 2. С. 114.
- ^{xvi} Материалы ВУА. СПб., 1911. Т. XVI. С. 224-225; СПб., 1911. Т. XVIII. С. 221; *Михайловский-Данилевский А.И.* Указ. соч. С. 217-218.
- ^{xvii} Материалы ВУА. Т. XVI. С. 52-53; *Bernhardi Th.* Op. cit. Bd. I. S. 399; *Богданович М.И.* Указ. соч. Т. 2. С. 111-112; *Паскевич И.Ф.* Походные записки // 1812 год в воспоминаниях современников. М., 1995. С. 98.
- ^{xviii} *Поликарпов Н.П.* К истории Отечественной войны... Т. 1. С. 27-28; *Он же.* Боевой календарь-ежедневник. С. 394-396; Материалы ВУА. Т. XV. С. 20; Т. XVII. С. 184; *Михайловский-Данилевский А.И.* Указ. соч. С. 222; *Богданович М.И.* Указ. соч. Т. 2. С. 112-113; *Kalchreuth J.H.* Op. cit. S. 152; *Rossetti M.* Op. cit. P. 109-110; *Friant F.* Op. cit. P. 228-229; *Jelshi L.* Op. cit. S. 43.
- ^{xix} *Радужицкий И.П.* Указ. соч. С. 128-129.
- ^{xx} Материалы ВУА. Т. XV. С. 20; Т. XVII. С. 184; *Поликарпов Н.П.* К истории Отечественной войны... Т. 1. С. 28-29; *Он же.* Боевой календарь-ежедневник. С. 402-405; *Радужицкий И.П.* Походные записки артиллериста. М., 1835. Ч. 1. С. 128; Донские казаки в 1812 г.: Сб. документов. Ростов н/Д., 1954. С. 158.
- ^{xxi} Перед этим Ермолов писал: «Главкомандующий вместе с великим князем и князем Багратионом, сопровождаемые всеми корпусными командирами и многими из генералов, осматривали выбранную полковником Толем для армии позицию». При этом Барклай указал на несколько ее недостатков. «Толь отвечал, что лучшей позиции быть не может, и что он не понимает, чего от него требуется, давая разуметь, что он знает свое дело. Главкомандующий выслушал его с неимоверною холодностию, но князь Багратион напомнил ему, что, отвечая начальнику и сверх того в присутствии брата государя, дерзость весьма неуместна и что за то надлежало... надеть на него солдатскую суму, и что он, мальчишка, должен бы чувствовать, что многие не менее его знакомы с предметом» (Записки А.П. Ермолова. С. 175-176).
- ^{xxii} Записки А.П. Ермолова. С. 177, 180; *Харкевич В.И.* Указ. соч. Вып. 1. С. 185-186; *Граббе П.Х.* III-й год // России двинулись сыны. М., 1838. С. 402-ЮЗ; *Михайловский-Данилевский А.И.* Указ. соч. С. 222; *Богданович М.И.* Указ. соч. Т. 2. С. 114-116. Граббе писал далее: «Разногласие между главнокомандующими не было уже тайной для армии. Все почти склонялись на сторону князя Багратиона... Роль цесаревича стала затруднительна. Он последовал общему увлечению против Барклая-де-Толли. Этого было уже слишком много для последнего. Хладнокровный, бесстрастный, он решился, однако, выслать цесаревича из армии. Это было в Дорогобуже».
- ^{xxiii} *Peht J., Bonnet G., Everts H.* Garnets et Journal sur la campagne de Russie. P., 1997. P. 96; *Ternaux-Compans N.D.* Op. cit. P. 167; *Wedel C.A.* Geschichte eines Officiers im Kriege gegen Russland 1812... В., 1897. S. 72, 73; *Jelski L.* Op. cit. P. 43.
- ^{xxiv} Иркутский, Оренбургский, Сибирский драгунские и донской казачий Андреевского 2-го полки. Богданович ошибочно включил в его состав еще 30-й и 48-й егерские полки.
- ^{xxv} 5-й егерский, Киевский и Новороссийский драгунские, Литовский уланский, Ахтырский гусарский полки, 9-я конная рота подполковника О.К. Паркенсона.
- ^{xxvi} Донские казачьи полки Быхалова 1-го, Грекова 21-го, Иловайского 10-го, Иловайского 11-го, Карпова 2-го, Комиссарова 1-го, Мельникова 4-го и Сысоева 3-го.
- ^{xxvii} *Wedel C.A.* Op. cit. S. 73-74; *Dupuy V.* Souvenirs militaires. P., 1892. P. 175; *Kalckreuth J.H.* Op. cit. S. 152.
- ^{xxviii} *Михайловский-Данилевский А.И.* Указ. соч. С. 222. Митаревский из 6-го корпуса вспоминал, что «на выходе из города по обеим сторонам улицы догорали дома и летели искры; мы проходили с опасением и осторожностью» (*Митаревский Н.Е.* Рассказы об Отечественной войне 1812 года. М., 1878. С. 47).
- ^{xxix} *Friant F.* Op. cit. P. 229; *Fain A.* Op. cit. Т. 1. P. 360; *Михайловский-Данилевский А.И.* Указ. соч. С. 221-222; *Богданович М.И.* Т. 2. С. 116-117, 528-29.
- ^{xxx} *Поликарпов Н.П.* К истории Отечественной войны... Вып. 1. С. 30-33; *Он же.* Боевой календарь-ежедневник. С. 406—110.
- ^{xxxi} Материалы ВУА. Т. XV. С. 20; Т. XVII. С. 184; Записки А.П. Ермолова. С. 178; *Богданович М.И.* Указ. соч. Т. 2. С. 117; *Jelski L.* Op. cit. P. 43.